

А. А. Тараданов

О ГЕНЕТИЧЕСКОМ МЕТОДЕ СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (по следам забытой дискуссии)¹

В статье раскрывается содержание генетического метода социального исследования как алгоритма определения всеобщей универсальной связи («социального гена») в качестве исходной категории восхождения от абстрактного к конкретному в предметной области общественнознания.

Ключевые слова: генетический метод, социальный ген, необходимые и достаточные параметры, социальное исследование, исходная категория восхождения от абстрактного к конкретному.

Для позитивизма является естественным, когда в процессе исследования он не может найти закон — всеобщую универсальную связь, снимающую противоречие предмета. И так же «естественно» он всегда находит причины своей научной несостоятельности в самом предмете — но всегда *вне* своей «логики», не замечая, как сам попадает в ловушку им самим абсолютизированных крайностей, согласно которым либо «наука должна отказать от претензии отыскания оснований ее предметной сферы и опираться лишь на наблюдательно-описательную методологию, классифицируя научные факты и все более широко и подробно раскрывая все новые связи и взаимозависимости» (номинализм); либо «предметы науки настолько своеобразны и уникальны, что они просто в принципе не могут иметь единого основания и должны быть просто приняты каждый в своем исключительном своеобразии» («методология полипарадигмальности», особенно «модная» сейчас в общественнознании).

И отсюда уже вполне «закономерно» постулируется, что «дело вкуса и таланта самого исследователя, с чего ему начинать и какие методы выбирать для использования». И вот уже пестрит диссертация или «научная» статья выражениями «по нашему мнению», «мы полагаем», «мы думаем», «следует учитывать» и т. д., то есть вместо обоснования и доказательства в научное исследование теперь «на вполне законном основании» допускается произвол. Но тогда как быть с научной истиной? Или она общественнознание больше не интересует? Или ее здесь в принципе не может быть? Или предмет, метод и истина — каждый «сам по себе»? Или такие заявления и вопросы вообще некорректны с позиций на-

учной этики, поскольку сами являются претензией на «абсолютную истину»?

Марксизм в российском общественнознании сейчас «не в моде», поскольку он в «обыденном научном» сознании отождествляется с СССР и его пустыми прилавками, репрессиями, «железным занавесом», формальной и скучной агитационно-идеологической пропагандистской трескотней и другими малопривлекательными фактами и следствиями социальных экспериментов, осуществленных под прикрытием его «умозрительной» общественной теории. Российское ученое сообщество еще долго не забудет «лысенковщину» и тотальные разгромы наших перспективных научных школ в различных отраслях знания, а также туманные, многословные и претенциозные рассуждения и поучения со стороны чиновников от «научной идеологии» о том, «как должно делать советскую науку согласно решениям очередного съезда КПСС и в интересах мирового пролетариата».

Поэтому сегодня «на постсоветском пространстве» совершенно «естественно» марксизм отождествляется с коммунизмом, а последний — с теми тоталитарными режимами, которые в своей идеологии используют псевдокоммунистическую терминологию. Все вышеизложенное привело к тому, что и современное российское общественнознание практически от марксизма отказалась и систематически его «поклевывает» в разные места.

Но «пролетарская революция», «диктатура пролетариата» и «практика коммунистического строительства» — это не весь марксизм, каким его пытался представить сформировавшийся после октября 1917 года в России режим для оправдания производимых репрессий и всеобщей военной мобилизации

и каким его знает сегодняшний социальный примитивизм, основанный на формальном образовании. И в мировой общественной науке является бесспорным тот факт, что даже сегодня очень сложно обнаружить социальную теорию, разработанную так же полно, последовательно и логично, как это сделал Маркс в отношении теории капитализма.

Метод, которым осуществлена эта разработка, известен в литературе как диалектико-исторически-материалистический. Наиболее известной его интерпретацией является фрагмент из работы Ф. Энгельса «Карл Маркс. “К критике политической экономии”».

«С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме... При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами... Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть отношение, означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения...»².

Однако если и как только мы попытаемся непосредственно в практике научного поиска применить указанный метод, то сразу обнаружится серьезная проблема: «первое и наиболее простое» *отношение*, которое «исторически, фактически находится перед нами», надо сначала еще *найти!* То есть не просто дать его формулировку или дефиницию, а обосновать и доказать, что именно *оно, именно это отношение* является «первым и наиболее простым», избежав при этом резонерства и произвола.

Как водится, классика опять оказывается права. «Дефиниция», которой какая-либо наука начинает с самого начала, – иронизирует по этому поводу Гегель, – «не может содержать ничего другого, кроме как определенно-го корректного выражения того, что как *известное и общепризнанное представляют себе* в качестве предмета и цели этой науки. Что в качестве таковых представляют себе именно это, а не другое, это есть историче-

ское уверение, относительно которого можно сослаться лишь на то или иное признание или, собственно говоря, можно только в виде просьбы предложить, чтобы считали то или иное признанным». Поэтому вовсе неудивительно, что «один оттуда, другой отсюда приводит какой-либо случай или пример, показывающий, что под таким-то выражением нужно понимать еще нечто большее и иное и что, стало быть, в его дефиницию следует включать еще одно более частное или более общее определение и с этим должна быть согласована и наука. При этом от резонерства зависит, до какой границы и в каком объеме те или иные определения должны быть включены или исключены; само же резонерство имеет перед собой на выбор самые многообразные и самые различные воззрения, заставшее определение которых может, в конце концов, давать только произвол. При этом способе начинать науку с ее дефиниций нет и речи о потребности показать *необходимость ее предмета* и, следовательно, также ее самой».

И далее Гегель в своей «Науке логики» пытается дать понимание метода, способного «показать *необходимость предмета* науки «и, следовательно, также ее самой». У Гегеля всеобщий феномен, содержащий в себе разрешение противоречия и «самодвижущийся» в процессе этого разрешения – это «абсолютная идея», которая через «бытие-небытие-становление» разворачивается в последовательную логику философских категорий. Когда Гегель рассуждает о проблеме «начала» Логики, которое («начало») поэтому и не может быть опосредовано, что оно есть «начало»³, то он не просто путем логических операций с дефинициями методом определения понятий через подведение каждого из них под другое, более широкое (то есть «опосредуя» их, находя то общее, что их связывает, «средство» их связи), «добирается» до предельно широких и бессодержательных «бытие-небытие», для которых уже не существует «определения» («опосредования»). Он параллельно на максимально обширных данных истории философии показывает, что именно «бытие-небытие» было главной и всеобщей темой уже самых древних систематических философских исследований⁴.

Действительно, основной, первой и всеобщей *практической* проблемой человека в суровейших условиях начала его истории, где

ему приходилось ежедневно балансировать на грани «бытия-небытия» и было «быть», существовать, выжить в его «человеческом облике», и только потом уже все остальное. И потому, например, фихтевское «я есть» и производное из него веберовское «социальное поведение» индивида являются тем самым «положительным» социологическим «гуманистическим производным» (Маркс) из философского «бытия-небытия».

А это значит, что параллельно с *логическим* обоснованием начала науки Гегель дает историко-социологическое обоснование ее (науки, Логике) искомого исходного отношения. То есть исходным принципом его логики является единство исторического и логического, обоснованное и доказанное исторически и социологически.

И вот теперь уже более определенно оформляется обще-теоретико-методологическая проблема, известная как «проблема предела абстрагирования в процессе нахождения исходной категории восхождения от абстрактного к конкретному». В самом общем виде формулировка данной проблемы выглядит так: на каком основании будет истинным делать вывод о том, на каком понятии в цепи определений необходимо остановиться, чтобы с него начать теоретическое развертывание определенной предметной сферы, избранной для теоретического анализа?

То есть, соответственно данной логике, в рамках предметной сферы имеется отношение, всеобщее для данной сферы: оно и представлено соответствующим понятием, имеющим для данной науки категориальный статус. Сама предметная сфера есть производное данного отношения, область саморазвития этого отношения. Оно (это отношение) является основой всей сети отношений предмета, всеобщим посредником, *мерой* всех остальных отношений исследуемой реальности, на него «замкнуты», в конечном итоге, все связи предмета. Те же отношения, которые далее определяют (опосредуют) эту меру, уже выходят за рамки данного качества и, конечно, тоже могут быть исследованы, но уже в рамках другой теории, другой науки, более общей («конкретной» по Гегелю), какой, например, является социальная философия по отношению к социологии, политологии, педагогике, менеджменту и т. д.

Теперь, разобравшись и поняв (надеемся, что вместе с читателем), почему именно «бы-

тие» определено Гегелем в качестве «исходной категории восхождения от абстрактного к конкретному» в Науке Логике, вернемся к решению Марксом задачи развертывания «Логике Капитала».

Сам Маркс не оставил в своих трудах алгоритма решения указанной проблемы. И хотя В. Ленин в свое время отмечал, что если Маркс не оставил учебника по Логике, то он оставил логику «Капитала», история теоретического марксизма показала, что сам по себе «Капитал» не дает непосредственной разгадки *начала* своей логики: понятия «товар».

Цитаты, где по поводу такого «начала» приводятся рассуждения Маркса о «клеточке тела», которую-де изучать гораздо сложнее, чем «развитое тело»⁵, но что именно в ней уже содержится и «начало», и закономерности развития ее («клеточки») в это тело, широко известны специалистам. Но, как замечал тот же Гегель, известное не есть познанное.

По этой проблеме «клеточки» в советском обществоведении в свое время состоялась обширная дискуссия (см.: Астальцев, В. Исходное производственное отношение социализма / В. Астальцев, К. Хубиев // Эконом. науки. 1985. № 11; Афанасьев, В. Карл Маркс и методология политической экономии социализма / В. Афанасьев, В. Ланцов // Вопр. экономики. 1983. № 3; Зелински, Я. К вопросу об исходном и основном отношениях коммунистического способа производства // Эконом. науки. 1985. № 12; Кедров, Б. М. О методе изложения диалектики. М., 1983; Козельский, Н. Н. К вопросу об исходном пункте политической экономии социализма и коммунизма // Изв. АН СССР, сер. эконом. 1970. № 1; Кобышев, В. Метод политической экономии / В. Кобышев, К. Куровский // Вопр. экономики. 1978. № 3; Кузьмин, В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986; Маргулис, А. В. К характеристике методологических аспектов общесоциологической теории // Вопр. философии. 1981. № 12; Мареев, С. Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. М., 1984; Метод «Капитала» и вопросы политической экономии социализма / под ред. Н. А. Цаголова. М., 1968; Сюсюкалов, Б. И. Социалистическое общество: проблемы диалектики развития. М., 1973; Тиханова, Т. Е. Системный анализ исходного производственного отношения в «Капитале» К. Маркса. Киев; Одесса, 1983; Федорен-

ко, Н. П. К вопросу о клеточке социалистического производства // *Вопр. философии*. 1978. № 4; Цаголов, Н. А. Вопросы методологии и системы политической экономии. М., 1982 и др., а также исследования этой проблемы в работах советских обществоведов (философов и социологов): Э. В. Ильенкова в теории диалектической логики, В. И. Плотникова в диалектике социального и биологического, Л. Н. Когана в диалектике социального и индивидуального, М. Мамардашвили в диалектике исторического и логического и др.).

В указанной дискуссии с разных сторон, в разной мере и разных отношениях постоянно говорится о том, что к товару как исходной категории восхождения от абстрактного к конкретному в теории капитализма Маркс пришел, начав свой теоретический анализ с абстрактнейших категорий гегелевской философии, выйдя затем к абстракциям частной собственности, отчуждения труда, стоимости, капитала.

Однако главной задачи та дискуссия так и не решила и доказательств, почему в переплетении множества политэкономических понятий и категорий Маркс остановился на «товаре», так и не представила. Дискуссия опять, вслед за Энгельсом, повторяет, как заклинание: потому-де, что данное понятие «схватывает» всеобщее отношение капитализма. Остается, однако, без ответа вопрос: если понятие «капитал» не «схватывает» такого отношения, то почему труд называется «Капитал»? А почему «деньги» не «схватывают» такого отношения? А «частная собственность»? А «труд» («абстрактный» или «конкретный»; или «отчужденный», или «непосредственно общественный»? А «стоимость» или «прибавочная стоимость»? По каким именно критериям, выраженным количественно – и, следовательно, сравнительно и потому научно доказательно, – Маркс остановился именно на понятии товара и почему именно с него начал изложение своей теории?

Как известно, в формальной логике дать определение понятия – это значит подвести данное понятие под другое, более широкое («селетка есть рыба» и т. д.). Однако если попытаться представить товар как начало изложения просто на том основании, что он является начальной или конечной дефиницией в какой-то их цепи, то сам по себе этот подход не даст искомого решения. С позиций этой логики, товар – самое обычное и ничем не вы-

деляющееся понятие в цепи других понятий политической экономии (см. «Капитал», отдел первый «Товар и деньги» и отдел второй «Превращение денег в капитал»): «капитал есть деньги...»⁶; «деньги есть товар»⁷; «товар есть стоимость»⁸; «стоимость есть труд»⁹; «труд есть деятельность»¹⁰. И получается, что искомого доказательства «особенной *начальности*» товара (доказательства какой-то особенной «определенности» товара относительно других понятий) в «традиционной логике» мы так и не обнаруживаем.

Выход из данной проблемной ситуации «просвечивается», если, следуя приведенному Энгельсом алгоритму, выйти за пределы формально-логического и описательно-статистического подходов и выяснить, как идет отраженный данной предметной сферой («системой» понятий) *конкретно-исторический, практический* процесс. То есть признать, что с некоторого момента в процессе анализа проблема начала концептуального представления научного результата уже в принципе не решается на «чисто теоретическом» или «чисто логическом» уровне, хотя и кажется таковой.

Именно здесь, в предельно абстрактной области понятий и категорий, наиболее явно в логическую, сугубо понятийно-категориальную сферу вторгается жизнь, эмпирия, практика. Исходное отношение находится в *действительности* данного качества (предмета), материальных и объективных явлениях его существования, в форме собственно *статистической или социологической эмпирической составляющей*. Каждодневный практический опыт каждого индивида со всех сторон постоянно показывает ему, что *непосредственная жизнь всех граждан данного общества во всех ее проявлениях есть товарные отношения*. То есть *товар есть мера всех вещей* капитализма (или «индустриального общества» в современной терминологии). Вся жизнь данного общества завязана вокруг товарного производства, потребления и обмена. Это главные темы средств массовой информации, художественных произведений (взять, к примеру, Э. Золя, Ги де Мопассана, О. де Бальзака, Т. Драйзера и т. д.) или современных российских телесериалов, кухонных разговоров и салонных сплетен.

Разумеется, непосредственно разговоры ведутся не о товаре, а о деньгах, недвижимо-

сти, моде, театральных постановках, интернет-новинках, удачных и неудачных браках, высказываниях тех или иных политических деятелей и околбогемных скандалах. Но все эти кажущиеся настолько далеко отстоящими друг от друга явления, как и отображающие их художественные произведения и материалы СМИ, суть *товары*, поскольку производятся для продажи! Возможно, именно поэтому Маркс однажды заметил, что для понимания политической экономии капитализма Бальзак дал ему гораздо больше, чем все современные ему теоретики-экономисты.

То есть суть генетического метода социального исследования состоит в том, что для исследуемой социальной реальности обнаруживается *«социальный ген»*. Социальный ген – это феномен (отношение, явление, взаимодействие), представляющий собой *закон связи* всех проявлений предмета исследования. Это единственный феномен в сети других отношений предмета, разложение (распад, разрушение) которого означает потерю самого качества предмета (или потерю предметом своего качества, что одно и то же).

Образно выражаясь, это как нижний узел в сетке сачка для ловли рыбы или насекомых: при порыве или расплетении любого другого из узелков сетки сачка сам сачок может продолжать функционировать в своем качестве приспособления для ловли; но при разрыве или расплетении нижнего узла он перестает функционировать в качестве именно сачка как предмета-приспособления для ловли.

Выявление социального гена предметной сферы той или иной области общественности возможно как теоретически (при анализе литературы по проблеме), так и эмпирически (при анализе социальной, экономической или социологической статистики). Попытки решить социальную проблему без выявления «социального гена» («исходного отношения», «основания») завершаются, как правило, безрезультатно.

К числу наиболее простых и понятных примеров *действительного* «социального гена» относится «реально-идеальный избиратель». Это такая социальная группа избирателей, которая отличается двумя одновременно присущими каждому из избирателей параметрами: 1) они придут голосовать; 2) их волеизъявление будет свободным. Если отсутствует хотя бы один из этих параметров, феномен по понятным причинам не может

быть признан в качестве «социального гена» предмета «выборы».

Вышеприведенное означает, что внутри темы «социального гена» высвечивается еще одна проблема: скольким количеством и каких именно параметров должен обладать «социальный ген», чтобы он мог быть признан в качестве такового? Универсального ответа на этот вопрос нет: эта проблема решается отдельно каждый раз для каждого предмета социального исследования. Например, «ген-товар», как и «ген-избиратель», тоже имеет два необходимых и достаточных параметра: потребительную стоимость и меновую стоимость. Но это совсем не значит, что и во всех других случаях таких параметров будет обязательно два: например, в случае *«гена-действительной семьи»* (семейного благополучия) их получилось три: 1) лад в семье; 2) наличие обоих супругов; 3) социально необходимая норма детей¹¹.

Если же данная проблема не понимается или сознательно игнорируется (в силу, не будем скрывать, весьма значительных сложности и трудоемкости) и осуществляется попытка анализа без определения и обоснования необходимых и достаточных количественных и качественных параметров «социального гена», предмет исследования остается нераскрытым, а проблема оказывается не имеющей реальных перспектив решения. Очень наглядным примером здесь является юмористический припев одной из популярных не так давно эстрадных песенок насчет состава и числа параметров «идеального мужа»:

Чтоб не пил, не курил, чтоб цветы всегда дарил,

Всю зарплату отдавал, тещу мамой называл,

Был к футболу равнодушен и в компании не скучен.

И еще к тому же он, чтоб был в одну меня влюблен.

Другая крайность в этой теме – «лишь бы человек был хороший»; при этом под «хорошим человеком» может подразумеваться как раз именно все вышеизложенное. «Крайности сходятся».

Выявление *действительного* «социального гена» в абсолютном большинстве случаев – научная задача большой сложности и трудоемкости. Но зато ее решение дает возможность решать социальные проблемы,

«технологически» до сих пор неразрешимые (как, например, проблемы семейного благополучия или трудовой мотивации россиян)¹¹.

Примечания

¹ Данная статья представляет собой размышления по поводу дискуссии об основаниях общественнознания, достоверности его методов исследования и социальной эффективности получаемых здесь научных результатов. Автор приносит свои извинения, если некоторые положения статьи покажутся читателю резковатыми и субъективными.

² Энгельс, Ф. Карл Маркс. «К критике политической экономии» // Маркс, К., Энгельс, Ф.

Соч. Т. 13. С. 427.

³ Гегель, Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. Т. 1. М. : Мысль, 1970. С. 102.

⁴ Гегель, Г. В. Ф. Соч. Т. V. М., 1937. С. 83, 90–91, 177.

⁵ Маркс, К. Капитал // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 23. С. 6.

⁶ Там же. С. 165.

⁷ Там же. С. 100.

⁸ Там же. С. 168.

⁹ Там же. С. 188.

¹⁰ Там же. С. 195.

¹¹ См.: Тараданов, А. А. Социальные технологии в государственном и муниципальном управлении : учеб. пособие. Челябинск, 2008. С. 149–162.